

**ПУШКИН
У НАС—
НАЧАЛО ВСЕХ НАЧАЛ
М. ГОРЬКИЙ**

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА № 6 ФЕВРАЛЬ 1987

**Д. С. ЛИХАЧЕВ:
В ПАМЯТИ НАРОДНОЙ**

**АННА АХМАТОВА
О ПУШКИНЕ**

ХРОНИКА ПОСЛЕДНИХ ДНЕЙ

Д. С. ЛИХАЧЕВ,
академик,
Герой Социалистического Труда,
председатель правления
Советского фонда культуры.

В ПАМЯТИ НАРОДНОЙ

— Как вы считаете, Дмитрий Сергеевич, сбывается ли это гениальное пророчество Гоголя? Что значит Пушкин для нас, людей, живущих в последние годы второго тысячелетия?

— Пушкин — это лучшее, что есть в каждом из людей. Это доброта и талант, смелость и простота, верность в дружбе и бескрайность в любви, уважение к труду и к людям труда... И еще мы любим и постоянно оплакиваем Пушкина потому, что он погиб за честь свою и честь своей поэзии, за любовь. Погиб в бою, с оружием в руках, хотя, уверен, убить человека ему было не суждено. Он не был бы для нас Пушкиным.

Говоря про честь, я в первую очередь имею в виду бой за честь поэта, ибо не может ни уважать себя, ни жить, ни быть уважаемым и любимым читателями поэт с замаранной честью. Этот закон в полной мере действует и сегодня. Не будут ни уважать, ни любить поэта, как бы хорошо он ни писал, если он марает себя корыстолюбием, низкопоклонством или бесчестными поступками.

Я думаю о Бородине, о героях 1812 года. Современники Пушкина, многие из них — его близкие друзья. И в то же время никому из нас не придет на ум считать Багратиона и Кутузова, Раевского и Ермолова, Дениса Давыдова и Надежду Дурову своими современниками. Они наша славная, величаяя, героическая, прекрасная история.

А Пушкин — сегодняшней, современный. Это не столько можно объяснить, сколько понять душой, всем существом своим.

Любое из человеческих чувств — любовь, печаль, гнев, грусть, чувство приближающейся смерти — он поднимал в своей поэзии до высочайшей точки. Его поэзия облагораживает нашу жизнь.

Думаю, что тайна безмерного обаяния Пушкина в том, что он в каждое мгновение жизни, в каждой ее песчинке видел, ощущал, переживал огромный, вечный, вселенский смысл. И потому он не просто любил жизнь во всех ее проявлениях, жизнь была для него величайшим таинством, величайшим действием. И потому он был велик во всем: и в своих надеждах, и в своих заблуждениях, и в своих победах, и в своей любви к людям, к природе, в любви к Родине, к ее истории, ее будущему.

Даже самые закоренелые циники, самые отъявленные мещане и обыватели, самые легкомысленные вертопрахи ближе или глубже в душе своей сознают — или всегда, или со временем — свою ничтожность.

А все простые, хорошие люди на планете или знают, или догадываются, или смутно ощущают, что жизнь вокруг нас и в каждом из нас есть величайшая тайна, требующая серьезного, глубокого отношения, полной отдачи, и что жизнь за это дарит нам ощущение счастья, гармонии, полноты существования. В конечном счете это и есть идеал каждого из нас. И в Пушкине этот идеал был воплощен в полной мере. Потому он и есть

**«ПРИ ИМЕНИ ПУШКИНА ТОТЧАС ОСЕНЯЕТ МЫСЛЬ
О РУССКОМ НАЦИОНАЛЬНОМ ПОЭТЕ.
В САМОМ ДЕЛЕ, НИКТО ИЗ ПОЭТОВ НАШИХ
НЕ ВЫШЕ ЕГО И НЕ МОЖЕТ БОЛЕЕ
НАЗЫВАТЬСЯ НАЦИОНАЛЬНЫМ;
ЭТО ПРАВО РЕШИТЕЛЬНО ПРИНАДЛЕЖИТ ЕМУ.
В НЕМ, КАК БУДТО В ЛЕКСИКОНЕ,
ЗАКЛЮЧИЛОСЬ ВСЕ БОГАТСТВО, СИЛА И ГИБКОСТЬ
НАШЕГО ЯЗЫКА.
ОН БОЛЕЕ ВСЕХ, ОН ДАЛЕЕ
РАЗДВИНУЛ ЕМУ ГРАНИЦЫ
И БОЛЕЕ ПОКАЗАЛ ВСЕ ЕГО ПРОСТРАНСТВО.
ПУШКИН ЕСТЬ ЯВЛЕНИЕ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЕ
И, МОЖЕТ БЫТЬ,
ЕДИНСТВЕННОЕ ЯВЛЕНИЕ РУССКОГО ДУХА:
ЭТО РУССКИЙ ЧЕЛОВЕК В ЕГО РАЗВИТИИ,
В КАКОМ ОН, МОЖЕТ БЫТЬ,
ЯВИТСЯ ЧЕРЕЗ ДВЕСТИ ЛЕТ.
В НЕМ РУССКАЯ ПРИРОДА, РУССКАЯ ДУША,
РУССКИЙ ЯЗЫК, РУССКИЙ ХАРАКТЕР
ОТРАЗИЛИСЬ В ТАКОЙ ЖЕ ЧИСТОТЕ,
В ТАКОЙ ОЧИЩЕННОЙ КРАСОТЕ,
В КАКОЙ ОТРАЖАЕТСЯ
ЛАНДШАФТ НА ВЫПУКЛОЙ ПОВЕРХНОСТИ
ОПТИЧЕСКОГО СТЕКЛА».**

Н. В. ГОГОЛЬ

наш идеал, вечно живой, вечно с нами. Но идеал этот не напыщенный, не громогласный и не чванливый, а как бы равный со всеми нами, свободный и простой. Слова Николая Васильевича Гоголя, поклонника, ученика, друга Пушкина, с которых началась наша беседа, пожалуй, самые точные, самые пронзительные для определения всевременного значения для нас Пушкина.

Это философская сторона вопроса. А бытовое ее воплощение оказывает на людей второй половины восьмидесятих годов XX века не меньшее, если не большее воздействие.

Мы уважаем труд, знаем цену труду, ценим людей по их труду. Пушкин был первым профессиональным литератором России, он жил своим трудом, боролся против произвола издателей, добивался достойной оплаты за труд поэтов, писателей, драматургов.

Он был верным другом и добрым товарищем.

Он не боялся царей и презирал карьеристов-вельмож.

Он был другом декабристов, их учеником и их учителем.

Он был внимательным мужем, заботился о чести и покое жены до последней минуты жизни.

Наконец, он был просто здоровым, веселым, смелым и сильным человеком.

И все эти обычные, земные, общечеловеческие превосходные качества никогда не будут забыты, всегда будут залогом его бессмертия в наших сердцах.

Много пишут о Пушкине — величайшем поэте, гении. Но народ любит гениев, простых в своем величии и ве-

ликих в своей простоте. И потому я говорю именно о простых, общечеловеческих чертах в образе Пушкина.

Размышляя о Пушкине, люди невольно сравнивают себя с ним. А сделал ли бы и я так? А поступил бы так же? А что я думаю об этом?

Это очень полезные размышления и очень важные. Они способствуют пробуждению в наших душах и умах самых лучших, самых высококравственных мыслей и устремлений.

В конечном счете это и есть самовоспитание добром и красотой человеческого души.

— «Пушкин и его время» — это огромный материал. И вот уже почти полтора века исследователи проникают в его тайны, стремясь приблизиться к загадке гения, постичь его жизненные и творческие связи. Какие проблемы стоят перед пушкинистами наших дней?

— Я бы даже расширил вопрос. По-моему, уровень пушкиноведения — лакмусовая бумажка развития отечественной науки о литературе. Сейчас Пушкиным занимаются очень многие: о нем пишут диссертации, биографии, стихи, романы, пьесы в стихах и прозе, и т. д., и т. п. Но с сожалением должен отметить, что пушкинистов, казалось бы, немало, а уровень науки о Пушкине сейчас сравнительно невысок. Ушли блестящие ученые-пушкинисты, носители высокой культуры и профессиональных знаний, а численно адекватной смены им не видно. Это настораживает. Ведь нас ожидают очень серьезные работы, связанные с Пушкиным. И прежде всего издание академического собрания сочинений, создание Пушкинской энциклопедии и, конечно, написание полной научной биографии Пушкина, летописи его

жизни. Вы понимаете, что я перечислил лишь некоторые задачи пушкиноведения. Но не только ученые должны участвовать в процессе расширения наших знаний о Пушкине, в воспитании любви к нему и понимания его произведений. Разве не прекрасна, например, идея создания Пушкинского театра, выдвинутая актером и поэтом Владимиром Рецептером? Действительно, в Англии есть всемирно известный Шекспировский театр, а мы до сих пор не имеем театра нашего национального гения — Пушкина. Его драматургия — это драматургия слова, ее необычайно трудно донести до зрителя. У актеров театра Пушкина должна быть высочайшая, одухотворенная и осмысленная, подчеркиваю, осмысленная, школа чтения стиха, текста, пушкинского текста. Это был бы экспериментальный театр, и в том тоже его важная роль.

Загадка театра Пушкина разгадывается, как мне кажется, тем, что это театр слова и мысли. Есть театр ситуаций, театр сюжетов, театр настроений, театр мысли, театр театра. Театр слова — один из самых трудных видов театра. Пушкина читать невероятно трудно, ибо его надо читать с предельной простотой, не на минуту не забывая музыки стиха и драматизма мысли, заложенной во всем произведении и в каждом его отдельном слове.

Предложение Владимира Рецептера создать театр Пушкина — театр, где ставился бы Пушкин — один Пушкин или по преимуществу Пушкин, — не только «интересно» и «современно», эти два слова обычны в одобрениях подобных предложений, но и умно, ибо на Пушкине лучше всего учиться читать поэзию — в драматургической, лирической или эпической форме. Опыт Пушкинского театра был бы крайне важен для всех театров. На игре Пушкина проверялся бы актер и постановщик. Удачи и неудачи в пушкинских произведениях были бы показательны и поучительны. В. Рецептер не предлагает воссоздать яхонтовский «театр одного актера». Он предлагает нечто иное, но в чем-то близкое: создать театр одного автора, чтобы актеры учились на труднейшем тексте, а зрители сравнивали, вникая тем самым и в слово Пушкина, и в игру разных актеров, учились бы слушать, а не просто ожидать развязку.

— На VIII съезде писателей вы выступили с конкретными предложениями о переиздании произведений целого ряда русских писателей, чьи книги по тем или иным причинам долгое время были преданы забвению, не печатались. А существуют ли работы о Пушкине или его времени, которые необходимо вернуть к активной жизни?

— Я с огромным удовлетворением слежу за переменами, которые сейчас происходят, и по мере сил стремлюсь участвовать в процессе обновления, демократизации. Действительно, на VIII съезде писателей я назвал имена некоторых русских авторов, чьи книги надо издать и донести до читателей без излишнего шума

и ажиотажа. Кое-что уже сделано, хотя в этом очень важном аспекте перестройки иные литературные деятели, облеченные чинами и должностями, усмотрели чуть ли не посягательство на основы литературной и общественной жизни. И я рад, что абсолютное большинство литераторов и читателей поддерживает тот ветер перемен, который врывается в атмосферу. Разве не симптоматично, что будет издано в приложении к журналу «Огонек» 12-томное собрание сочинений Карамзина, куда войдет и его «История государства Российского». Честь и хвала «Огоньку», проявившему инициативу в этом деле. Н. М. Карамзин, которого высочайше ценит Пушкин, наконец выйдет к самому широкому читателю.

Конечно, надо издать многие забытые, очень хорошие исследования о Пушкине. Например, статьи о Пушкине пронзительно умного Владислава Ходасевича, особенно «Колесный треножник», да и ряд других работ. «Мой Пушкин», как сказала Цветаева, был у многих русских писателей, и как бы было интересно собрать в одну книгу наиболее яркие, концептуальные статьи и речи, выходящие за пределы собственно академического пушкиноведения, начиная, например, с бессмертной пушкинской речи Ф. М. Достоевского и гениального завещания А. А. Блока «О назначении поэта». Это была бы поистине пророческая книга.

— Когда вы работали над фильмом «Дом у Пушкина» — а его съемки проходили в самый разгар реставрации последней квартиры поэта на Мойке, — то многие сомневались, стоит ли показывать ее в таком, можно сказать, «обнаженном» виде — без мебели, книг, мемориальных вещей.

— Мне кажется, что мы тогда получили уникальную возможность увидеть и показать квартиру Пушкина на Мойке в ее обнаженно-доподлинном виде, какой ее никогда больше увидеть не удастся. Перед нами открылись совершенно неожиданные, неизвестные вещи. Нина Ивановна Попова, хранитель музея, рассказала об интересных находках, которые были сделаны во время реставрации. Они свидетельствуют и о полутрагической жизни самого дома, и о быте Пушкина и его семьи. Мне кажется, что целый ряд археологических фрагментов — живых свидетелей ушедшей эпохи — надо после реставрации сохранить, ведь замечательно интересно увидеть какие-то детали, будь то кусок старых обоев, неожиданно найденное окно там, где была глухая стена, или что-то еще.

— А лично у вас что-нибудь связано с этим самым пушкинским местом Ленинграда?

— Конечно, ведь я старый петербуржец. Всю жизнь я живу в этом городе, и это одно из любимых мест моих прогулок. В старости хочется ходить в те места, где бывал в детстве. Здесь еще до революции и до первой мировой войны я бывал с отцом. По воскресеньям мы ходили смотреть развод караула в Зимнем дворце, смотреть через ворота (сам развод совершался во дворе) и слушать, потому что караул шел во дворец через арку Главного штаба при оглушительном звуке оркестра. После Дворцовой площади мы шли сюда, к окнам пушкинской квартиры. Сюда часто приводили детей, здесь не было еще ни музея, ни памятной доски.

Но все петербуржцы знали, что тут умер Пушкин. И приводили детей посмотреть на окна этой квартиры.

Я не специалист по жизни и творчеству Пушкина, моих знаний о Пушкине не больше, чем у любого русского человека, моя специальность — древнерусская литература, но постоянно я возвращаюсь мыслями к Пушкину, постоянно тянет прийти сюда. Я помню, как в доме на Мойке уже в 30-е годы, когда я начал работать в Институте русской литературы,

было уже несколько музейных коммунат и появился замечательный музейный организатор, Борис Валентинович Шапошников. Он был директором нашего музея в Институте русской литературы и здесь, на Мойке, работал по созданию музея-квартиры Пушкина. Мне кажется, что он обладал абсолютным музейным чутьем, как люди обладают абсолютным слухом в музыке. Это был совершенно замечательный человек по своему музейному вкусу, по умению делать экспозиции, создавать музеи.

Потом наступили дни Великой Отечественной войны. Осенью 1941 года в Мойку, рядом с квартирой Пушкина, попала бомба. Набережная дала трещину, дом был под угрозой, и мы, сотрудники Института русской литературы, пришли сюда, чтобы спасти вещи, экспонаты, мебель. Я тащил со всеми диван — это я очень ясно помню. Потом с трудом достали грузовик, чтобы перевезти вещи в Пушкинский Дом. Так что и я совсем немного, но причастен к судьбе музея на Мойке.

— Весь этот район Ленинграда можно считать пушкинским. И вид из окна последней квартиры поэта, быть может, самая достоверная его часть. Здесь буквально все напоено пушкинским, причастно к его жизни, биографии. Рядом с последней квартирой Пушкина — Конюшенная церковь, где отпевали Пушкина и где еще сохранились остатки росписи Брюллова. В этой церкви следовало бы сделать вместо занимающего ее учреждения выставку видов Петербурга пушкинской поры — их ведь очень много: гравюр, акварелей, картин.

— Пушкин мог видеть из своего окна Зимний дворец. Поразительно. На многие размышления может натолкнуть эта, казалось бы, случайность. Дома, который сейчас закрывает дворец, не было, и Пушкин мог видеть обитель царя. Поэт и царь. Ведь именно Пушкин изменил во многом это соотношение. Положение его предшественников было иным. Они получали высочайшие подарки, дорогие табакерки, перстни, обязаны были писать оды и т. д. А Пушкин ощущал себя независимым. Он высоко ставил честь поэта и чувство чести своей поэзии. Ибо поэт и поэзия неразлучны.

Пушкин осознал свою силу как поэт, а без этого осознания не может быть истинного творчества. Вот к каким мыслям приводит это противостояние Мойки и Зимнего дворца, не в житейском смысле, конечно, а в смысле высоком, духовном.

— Но Пушкина назначают камерюнкером. Николай Первый решил свети его положение к положению поэта придворного.

— Пушкин оскорбился, что его, поэта, царя, низводят до какой-то табели о рангах. Почему царя? Я часто думаю над его строкой: «Ты царь: живи один». Как нужно ее понимать? Поэт ощущал себя царем в царстве литературы. Это поразительно сказано Пушкиным. Осознавая себя царем, в одиночестве равным со всеми, он как бы замыкается в своем творчестве и ощущает себя властителем не подданных, а властителем всего мира.

Всего мира, поэтического мира, и мира, который он поэтизирует. Царем над русской историей, в какой-то мере потому, что ведь он же выступает в качестве судьи и судьи над Пугачевым, над Петром, над Борисом Годуновым. Он вершит суд свой — суд поэта. Это совершенно замечательное ощущение себя как царя духа, одинокого царя, вззирающего на Россию, который может сказать словами письма к Чаадаеву, что он никогда не променяет русскую историю ни на какую иную.

Вот почему он оскорбился, а не потому, что перерос возраст камерюнкера. Бывали они и старыми.

А ведь Пушкин был поэт-пророк. Впрочем, все великие поэты России были пророками: и Лермонтов, и А. К. Толстой, и Вл. Соловьев, и Блок.

Именно это и дало Аполлону Григорьеву право сказать, что «Пушкин — наше все». Будем же всегда помнить эти слова.

— А что, Александрийская колонна была видна из его квартиры?

— Видна была с набережной Мойки. Но это не важно. Важно, что Александрийский столп был недалеко. Ведь вы помните, как начинается «Памятник» Пушкина:

Я памятник себе воздвиг
нерукотворный,
К нему не зарастет народная тропа,
Вознесся выше он
главою непокорной
Александрийского столпа.

Это значит, что поэзия, царство поэзии больше и выше, чем власть императора, она непокорна царю. И это утверждение свободы духа, которая необходима царству поэзии. Пушкин осознавал себя национальным поэтом, выразителем народных дум, он понимал свое предназначение. Он действительно был пророк, кажется, что он знал будущее. Но несомненно, что полное осознание своего предназначения пришло к нему, когда он занялся русской историей, стал интересоваться отношением народа и государства, народа и царя. Это выразилось и в «Борисе Годунове», и «Капитанской дочке», истории Петра, истории Пугачева — здесь Пушкин выступает и как историограф, и он остается верен своей концепции поэта-пророка: «глаголом жги сердца людей».

— В книге «Поэзия садов» вы неоднократно обращаетесь к имени Пушкина. Но тема «Пушкин и сады Лицея», кажется, вас наиболее интересует.

— Действительно, это очень важная и очень непростая тема. Ведь лицейская лирика Пушкина своими мотивами тесно связана с царскосельскими садами. И царскосельские сады, и лирика Пушкина в значительной мере зависели от общих им поэтических «настроений эпохи», а само пребывание молодого поэта в «садах Лицея», несомненно, воздействовало на его лицейскую лирику.

Но вначале скажем, что же это такое — «сады Лицея», о которых Пушкин говорит в восьмой главе «Евгения Онегина»:

В те дни, когда в садах Лицея
Я безмятежно расцветал,
Читал охотно Апулея,
А Цицерона не читал...

Владимир Набоков, не говоря уж о других толкователях, не пошел в понимании слов «сады Лицея» дальше, чем, определив их, как «сады, примыкающие к Лицею». Но в понятии «сады Лицея» есть примечательные оттенки. Ведь сады были непременно принадлежностью лицеев и академий, начиная со времен Платона и Аристотеля.

Понимание «садов Лицея» как садов, традиционно связанных с учебными заведениями, садов Аристотеля и Платона, было живо и в представлениях царскосельских лицеев.

И. И. Пущин писал, вспоминая, как его отдавал в Лицей его дед: «Старик с лишком восьмидесятилетний хотел непременно сам представить своих внуков, записанных по его же просьбе в число кандидатов Лицея, нового заведения, которое самым своим названием поражаало публику в России, — не все тогда имели понятие о колоннадах и ротондах в афинских садах, где греческие философы научно беседовали со своими учениками».

В пушкинских парках надо хранить эстетический идеал молодого Пушкина и живую память о нем.

Подумайте, Пушкин, женившись, поехал именно в Царское Село. Он хотел поделиться с Натальей Николаевной своими отроческими и детскими воспоминаниями, побродить с ней вместе у озерных берегов, это очень хорошо уловила Ахматова, именно у озерных берегов пейзаж-

ных парков. Эстетика пейзажных парков пронизывает поэзию Пушкина. Пушкин был связан не с регулярными парками, а именно с пейзажными.

— Природа царскосельских парков и пейзаж Михайловского — как они, казалось бы, столь различные, сосуществуют в поэзии Пушкина?

— Пушкин сознательно открыл природу в царскосельских парках, а затем перешел в русскую деревню. Простой русский пейзаж Пушкин знал еще в раннем детстве, в Захарове, но полное открытие русской природы в ее органической связи с русской деревней произошло именно в Михайловском и Тригорском. Вот почему они святы для каждого русского человека.

Природа Святых Гор (теперь Пушкинских Гор) служит как бы комментарием к многим стихам Пушкина, к отдельным главам «Евгения Онегина», освящена встречами здесь с его друзьями, с Ариной Родионовной, с крестьянами. Воспоминания о Пушкине живут здесь в каждом уголке. Пушкин и природа здешних мест в дружном единстве творили новую поэзию, новое отношение к миру, к человеку! Хранить природу Михайловского и Тригорского мы должны со всеми деревьями, лесами, озерами и рекой Соротью с особым вниманием, ибо здесь, повторяю, совершилось поэтическое открытие русской природы.

Пушкин, идя от природы России, постепенно открыл для себя русскую действительность.

Изменить что-либо в Михайловском и Тригорском да и вообще в пушкинских местах бывшей Псковской губернии нельзя, так же как и во всяком дорогом нашему сердцу памятном месте. Даже и драгоценная оправа здесь не годится, так как пушкинские места — это только центр той обширной части русской природы, которую зовем Россией.

В пушкинских местах сама тишина целебна. Поэтому я так люблю их поздней осенью или ранней весной.

— Дмитрий Сергеевич, мы говорили о местах, связанных с Пушкиным в Ленинграде и его пригородах, на псковской земле. Хотелось бы услышать ваше мнение о Москве, как здесь берегут память о великом поэте?

— Одним из значительных событий культурной жизни стало открытие мемориального музея Пушкина на Арбате. Мы давно мечтали о нем. Этот музей создавался долго и трудно, и вот, наконец, он открыт. Это замечательный подарок всем любящим русскую литературу, русскую культуру. А почему бы не создать Пушкинский театр, о котором мы говорили, в церкви Большого Вознесения, где венчался поэт? Для этого здание следует, не откладывая, освободить от арендуемого его учреждения и передать театру, необходимость которого очевидна.

Говоря о пушкинской Москве, я не могу не сказать о человеке, который много сил вложил в создание мемориальной квартиры Пушкина на Арбате. Это Марк Михайлович Баринюв. Незадолго до преждевременной кончины он стал директором Государственного музея А. С. Пушкина и всего себя отдавал служению памяти поэта. Писатель, журналист, моряк, он пришел к Пушкину уже в зрелом возрасте, и любовь его к русскому гению была действенной. В свое время именно с Марком Михайловичем делился я идеей создания в Москве Пушкинского парка. Действительно, есть в Москве в преддверии Бульварного кольца в буквальном смысле пушкинский район. Определяется он не административными границами, а духовным содержанием. И рождается идея «Пушкинского парка», состоящего из нынешних бульваров, скверов, памятников архитектуры в арбатских и кропоткинских переулках.

Вместе с М. М. Баринювым мы в 1982 году опубликовали в «Огоньке» материал, в котором поставили

вопрос о создании в Одинцовском районе Подмосковья Государственного музея-заповедника А. С. Пушкина в Захарове и Больших Вяземах, где прошло его долицейское детство. Это одно из главных пушкинских мест в нашей стране, и стыдно сказать, в каком ужасном оно находится состоянии. И вот через четыре года я читаю в «Правде» изложение письма секретаря Московского обкома КПСС В. Борисенкова, в котором говорится, что «бюро МК КПСС дана принципиальная оценка недостатков в деле охраны и использования мемориала пушкинских мест в Одинцовском районе... В настоящее время все вопросы, связанные с созданием Государственного Пушкинского музея-заповедника, находятся на рассмотрении в компетентных организациях». Прекрасно, что наконец-то сдвинулось решение вопроса о приведении в порядок пушкинского Подмосковья. Но кто виновен в годах проволочек, за которые многое безвозвратно утеряно, искажено, уничтожено, несмотря на то, что в августе 1982 года Захарово принято на государственную охрану? Руководители Московской области давно и хорошо знали о том, что творится в Захарове и Больших Вяземах, об этом на протяжении многих лет бьют тревогу центральная пресса и телевидение, — и только сейчас решили поставить вопрос о заповеднике. Кстати, как следует из той же публикации в «Правде», решение этой проблемы предполагается половинчатое, на первом этапе пушкинские места становятся филиалом Звенигородского историко-архитектурного и художественного музея. Почему? Для Звенигородского музея пушкинская тема чужда, не проще ли и, главное, целесообразнее организовывать пушкинский заповедник в Подмосковье как естественную составляющую Государственного музея А. С. Пушкина в Москве, придав ему, конечно, соответствующие полномочия, штаты, средства? Это было бы государственное, разумное решение проблемы, а не попытка случайного, поспешного выхода из критической ситуации. Во многих городах, в том числе и Ленинграде, такие объединенные музеи прекрасно работают. К тому же Захарово и Вяземы, связанные с детством поэта, должны быть по преимуществу музеями молодежи. И здесь должна быть расположена Летняя Пушкинская школа, путевки в которую должны получать дети, решившие серьезно заниматься творчеством Пушкина.

— Мы беседуем с вами, Дмитрий Сергеевич, в канун печальной годовщины — 150-летия со дня гибели А. С. Пушкина. Те конкретные проблемы, которые мы затронули, не уведят ли в сторону от высокой и чистой темы осознания значения Пушкина для нас и наших потомков?

— Давно пора научиться не отрывать слов от дел. Я не помню времени, когда бы не говорили о любви к Пушкину, но, и я не раз уже это повторял, любовь должна быть действительно: каждый юбилей, особенно такой, какой мы отмечаем в февральские дни 1987 года, заставляет подвести некоторые итоги, собраться, сосредоточиться для движения вперед. В делах и планах сегодняшнего дня живет будущее, вот почему мы и в юбилейные дни говорим о делах. Ведь скоро великая годовщина — двухсотлетие со дня рождения Пушкина. Пусть же нашим подарком любимому поэту, и себе, и детям, и внукам, потомкам нашим будут приведенные в порядок пушкинские места, новые издания его книг, Пушкинский театр, достойные музеи поэта... Я верю, нет, я уверен, что это будет один из краеугольных камней нравственного и патриотического воспитания подрастающего и грядущих поколений.

Беседу вел Д. ЧУКОВСКИЙ.

ОСВЕНЕННАЯ ПУШКИНЫМ

Ахматова и Пушкин.
Тема поистине неисчерпаемая.
Ее размышления о Пушкине поражают пронизательностью и точностью проникновения в тайны гения.
Встречаясь с Ахматовой в 1920-х годах, молодой литератор Павел Лукницкий подробно записывал разговоры с ней, ее суждения о литературе, в том числе и о Пушкине.
Его дневник, отрывки из которого публикуются ниже впервые, донес живой голос Ахматовой, размышляющей о Пушкине.

К сожалению, до нас дошли не все дневники П. Лукницкого. В 1942 году немецкий тяжелый снаряд разорвался в квартире Павла Николаевича, уничтожив часть его архива. Навсегда исчезло немало бесценных материалов, в том числе и «ахматовских». Перед нами часть того, что осталось. Пушкин постоянно открывался Ахматовой все новыми и новыми гранями своего исполненного творчества — хрустального, прозрачного, простого, музыкального, чистого... Крупницы ее изысканий — в дневниках Лукницкого.

Из дневника. 29—30.06.1927

Вот сейчас она при мне нашла «слово» для выражения ее понимания методов творчества Пушкина. Творчество Пушкина — горн, переплавляющий весь материал, которым Пушкин пользуется. Например, когда он пользуется материалом иностранных авторов. После «переплавки» получается нечто совершенно новое — чисто пушкинское. Попадаются, правда, иногда непереплавленные зерна, но это еще больше украшает, придает прелести. Батюшков, вообще все современники Пушкина не переплавляют материала, а только ставят его в тепленькую печь, подогревают, чуть-чуть обновляют, но не меняют состава — он остается тем же. (Пример — «послание к Хлое» — Батюшкова ак. изд. 1-й том. Кстати, перевод из Вольтера — чего не знали академики — см. акад. изд.)

7.06.1927

О гении (в частности, Пушкине).

Гений — захватчик. Он собирает, выхватывает отовсюду слова, сравнения, образы и т. п. — самые простые и даже иногда никем не замечаемые, но — лучшие. Он берет их — они до того, как он взял их, — ничье достояние, они в свободном обращении всюду. Каждый может их произнести. Но когда гений их возьмет, он их так пронесет, что они становятся неповторимыми. Он накладывает на них свое клеймо. Они становятся его собственностью, и никто не может их повторить, и если б кто-нибудь захотел повторить их — он не мог бы сделать этого, — ему запрещено. На них клеймо гения.

Сейчас от гения Пушкина никто не страдает. Прошло достаточно времени. Накопились новые словесные богатства. Но каково было поэтам, которые должны были работать непосредственно после Пушкина и Лермонтова! Словесные богатства были расхищены Пушкиным, Пушкин был опустошителем.

Конечно, это — одна сторона медали. Стоит только повернуть медаль, чтоб увидеть другую сторону ее: Пушкин открыл дорогу для новых изысканий. Пушкин принудил следующих за ним поэтов искать новые пути. В этом — благодатная роль гения.

А разве Блок не наложил своего клейма на многое из современных словесных богатств?

Началось это с поисков не только книжных примеров, испытанных Пушкиным влияний мировых классиков — Шенье, Шелли, Байрона и других, но и с «самовлияний», когда настойчиво звучавшее в мозгу Пушкина слово, привлекаящий его образ не отступали от него и возникали все в новых и новых его произведениях... Ахматова уже не могла ограничиваться известными, даже лучшими переводами изучаемых ею поэтов, все необходимей становилось ей обращение к подлинникам... Ей нужно было вчитываться в подлинные тексты, ей нужно было знать итальянский язык для Данте, французский — для Шенье, английский — для Байрона, немецкий, даже испанский... Некоторые из этих языков она знала неплохо, другими почти или совсем не владела. На ее столе появились учебники, грамматика, словари... Чаше становились встречи с теми пушкинистами, которые представлялись Ахматовой наиболее даровитыми, знающими, авторитетными. Хорошим пушкинистом она считала Томашевского. Иных из пушкинистов и поверхностные методы их работы она полностью отвергала.

Некоторые из пушкинистов вначале к занятиям ее тоже относились скептически, с недоверием. Она с плохо скрываемой недообъективностью. Она постепенно побеждала их остротой, проникновенной мыслью, неопровержимыми доказательствами, бесспорностью найденного ею умозаключения.